

Грех Валента, сребролюбие и отступничество:
несколько замечаний
о «Послании к филиппийцам»
Поликарпа Смирнского

Алексей Д. Пантелеев

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия;
Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия, a.panteleev@spbu.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу текста 11-й главы «Послания к филиппийцам» Поликарпа Смирнского, где упоминается о некоем грехе пресвитера Валента, связанном со «сребролюбием». Этот пассаж рассмотрен в контексте как истории христианской общины в Филиппах, основанной еще апостолом Павлом, так и общего развития христианства в первые века. Мы полагаем, что этот «грех» является не растратой общинных средств или отказом от поддержки нуждающихся, а отходом от христианства, причиной которого стал страх возможных проблем и желание сохранить устоявшиеся социальные и экономические связи с языческим окружением. О подобном поведении состоятельных христиан сообщает «Пастырь» Ермы и другие источники, но если Ерма призывал к полному отказу от богатства, то Поликарп более сдержан, говоря о необходимости лишь побороть сребролюбие. Поступок Валента не привел к окончательному разрыву с общиной, Поликарп призывает даровать ему прощение, что указывает на то, что Валент не стал хулить Христа или выдавать христиан римским властям. Автор Послания предписывает филиппийцам воздерживаться от сребролюбия, идолопоклонства и всякого зла.

Ключевые слова: раннее христианство, Поликарп Смирнский, Филиппы, отступничество, богатство

Для цитирования: Пантелеев А.Д. Грех Валента, сребролюбие и отступничество: несколько замечаний о «Послании к филиппийцам» Поликарпа Смирнского // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2024. № 2. С. 57–71. DOI: 10.28995/2658-4158-2024-2-57-71

The sin of Valens, avarice and apostasy: a few remarks on the “Epistle to the Philippians” by Polycarp of Smyrna

Aleksei D. Panteleev

*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;
Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, a.panteleev@spbu.ru*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the text of Chapter 11 of the “Epistle to the Philippians” by Polycarp of Smyrna, which mentions a presbyter Valens’ certain sin, which was connected with avarice. This passage is considered in the context of the history of Christianity in Philippi (the local community was founded by the Apostle Paul), and the general development of the Christian movement in the first two centuries. This “sin” is not a waste of community funds or a refusal to support the poor and widows, but a renouncing from Christianity, which was caused by fear of possible problems and a desire to preserve established social and economic ties with the pagan environment. Such behavior of wealthy Christians is reported by Herma’s “Shepherd” and other sources, but if Herma called for a complete renunciation of wealth, Polycarp was more restrained and said about the need to overcome the love of money. Valens’ act did not lead to a final break with the community, Polycarp calls for forgiveness, which indicates that Valens did not blaspheme Christ or betray Christians to the Roman authorities. The author of the “Epistle” instructed the Philippians to abstain from avarice, idolatry and all evil.

Keywords: early Christianity, Polycarp of Smyrna, Philippi, apostasy, wealth

For citation: Panteleev, A.D. (2024), “The sin of Valens, avarice and apostasy: a few remarks on the ‘Epistle to the Philippians’ by Polycarp of Smyrna”, *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 2, pp. 57–71, DOI: 10.28995/2658-4158-2024-2-57-71

В начале II в. Поликарп Смирнский написал «Послание к филиппийцам», единственное сохранившееся из его писем «соседним церквям или какому-нибудь брату» (*Eus. HE V.20.8*)¹.

¹ Лексикон Суды говорит о посланиях Поликарпа «Дионисию Ареопагиту и к другим церквям» (*Suda s.v. Πολύκαρπος*); Максим Исповедник упоминает его Послание к афинянам (*Max. Conf. Schol. in DN // PG. 4. Cols. 535–544*). Поликарпу приписывают несколько фрагментов на латинском и армянском языках, но они не считаются подлинными. Кроме того, иногда Поликарпа называют автором «Послания к Диогенту»,

В центре нашего внимания окажется один из его героев, точнее, антигероев – пресвитер Валент (*Pol. Phil.* 11), но перед тем как перейти непосредственно к этому сюжету, скажем несколько слов о «Послании» и о вопросах, которые оно ставит перед исследователями.

С этим небольшим сочинением связано много проблем. Как известно, сохранность «Послания» далека от идеальной: оригинальный древнегреческий вариант обрывается на 9,2, содержание 9 и части 13 глав передает Евсевий (НЭ III.36.13–15); полный текст сохранился в латинском переводе, который исследователи оценивают как «вольный» или «поврежденный» [Hartog 2013, p. 27]. Долгое время велся спор о единстве текста и времени его создания. Камнем преткновения является то, что в 9 главе «Послания» о мученичестве Игнатия говорится как о свершившемся факте, а в 13 главе Поликарп просит филиппийцев сообщить ему, «что они узнают верного об Игнатии и его спутниках» (13.2). Некоторые филологи и историки ставят под сомнение подлинность «Послания» или в связи с попыткой отнести сочинения Игнатия Антиохийского едва ли не к рубежу II–III вв., или самого по себе: в нем видят следы полемики с маркионитами и валентинианами, которые появились позже, и указывают на более позднее время формирования системы монархического епископата [Holmes 2007, p. 124; Hartog 2013, pp. 28–29, 40–45; Linderborg 2023, pp. 211–215]. Высказывались теории о том, что имеющийся у нас текст является компиляцией из нескольких различных посланий Поликарпа или включает в себя несколько поздних дополнений [Hartog 2013, pp. 33–40]. Признавая важность всех этих проблем, мы не будем здесь вдаваться в их детальное рассмотрение: во-первых, нам кажется вполне убедительной традиционная точка зрения на происхождение и характер этого текста, а во-вторых, время его создания – начало или первая треть II в. – как будет показано, не имеет принципиального значения для интересующего нас вопроса.

Через все «Послание» красной нитью проходят несколько основных тем. Это призывы к подражанию Христу – «будем подражателями Его терпения» (8.2), к праведной жизни и добродетели, к соблюдению церковного порядка и требование избегать ересей, прежде всего докетического толка. Особенно беспокоит Поликарпа тема «сребролюбия», которое является «началом всех бед» (4.1; ср. 1 Тим 6:10), в тексте часто встречаются термины *φιλαργυρία* (2.2; 4.1; 4.3; 5.2; 6.1) и *πλεονεξία* (2.2), в латинском варианте *avaritia*

а иногда видят в его сочинениях, возможно, тех самых посланиях, источник отдельных пассажей Ириния Лионского. Подробнее см.: [Holmes 2007, pp. 109–110].

(11.1; 11.2). Здесь можно увидеть влияние Павла, вообще, «Послание» многим обязано его сочинениям². 11-я глава «Послания» – основной объект нашего исследования – посвящена некоему прегрешению пресвитера Валента и его жены; приведем ее текст и наш перевод³.

1. Nimis contristatus sum pro Valente, qui presbyter factus est aliquando apud vos, quod sic ignoret is locum qui datus est ei. Moneo itaque, ut abstineatis vos ab avaritia et sitis casti veraces. Abstinete vos ab omni malo. 2. Qui autem non potest in his se gubernare, quomodo alii pronuntiat hoc? Si quis non se abstinerit ab avaritia, ab idololatria coinquinabitur et tanquam inter gentes iudicabitur, qui ignorant indicium domini. Aut nescimus, quia sancti mundum iudicabunt, sicut Paulus docet? 3. Ego autem nihil tale sensi in vobis vel audiui, in quibus laboravit beatus Paulus, qui estis in principio epistolae eius. De vobis etenim gloriatur in omnibus ecclesiis, quae deum solae tunc cognoverant; nos autem nondum noveramus. 4. Valde ergo, fratres, contristor pro illo et pro coniuge eius, quibus det dominus poenitentiam veram. Sobrii ergo estote et vos in hoc; et non sicut inimicos tales existimetis, sed sicut passibilia membra et errantia eos revocate, ut omnium vestrum corpus salvetis. Hoc enim agentes vos ipsos aedificatis.

1. Я был весьма опечален из-за Валента, который некогда был поставлен пресвитером у вас, ибо он так и не понял, что за должность ему дана. Итак, прошу, чтобы вы воздерживались от сребролюбия и были чисты и правдивы. Воздерживайтесь ото всякого зла. 2. Кто не может собой в этом управлять, как будет наставлять в этом другого? Если кто-то не воздержится от сребролюбия, то окажется осквернен идолопоклонством и будет осужден наравне с язычниками, которые не знают о суде Господнем. Или не знаем, что святые будут судить мир⁴, как учит Павел? 3. Я же ничего подобного у вас не заметил и не услышал, среди которых трудился блаженный Павел, которые в начале его послания⁵. Ведь вас он прославляет во всех церквях, которые одни Бога тогда познали, а мы еще не знали⁶. 4. Итак, я крайне опечален, братья, из-за него и его жены, дай Господь им истинное раскаяние.

² О влиянии Павла на Поликарпа см.: [Berding 2002; Oakes 2005, pp. 353–373; Holmes 2011, pp. 57–69; Hartog 2013, pp. 65–68].

³ Текст дан по изданию П. Хартога [Hartog 2013].

⁴ Ср.: 1 Кор 6:2. Подробнее об этом месте и вообще о влиянии Павла на Поликарпа см.: [Berding 2002, pp. 108–111].

⁵ Место, трудное для понимания; скорее всего, имеется в виду древность филиппийской общины. См. обзор вариантов интерпретации этого пассажа в [Holmes 1997; Hartog 2013, p. 143–147].

⁶ До появления христианской общины в Смирне.

Поэтому будьте и вы здесь благоразумны и не считайте их врагами⁷, но призовите их как члены страждущие и заблудшие, чтобы все ваше тело исцелить. Делая так, вы созидаете сами себя.

Мы не знаем, откуда Поликарп узнал о грехе Валента: из послания филиппийцев, из общения с гонцами, доставившими его, или от случайных людей. Возможно, Поликарп сам незадолго до этого посетил Филиппы, во всяком случае, именно так понимает пассаж о рекомендации некоего Кресцента в 14-й главе «Послания» П. Оукс [Oakes 2005, pp. 370–373]. Так или иначе, услышанное задело и опечалило смирнского епископа.

Высказывалось много предположений о том, в чем именно состояло прегрешение Валента и жены⁸. Первая группа гипотез предполагает чисто финансовую подоплеку: пресвитер присваивал деньги, предназначенные для раздачи беднякам [Garrison 1997, p. 79]⁹, расхищал церковную кассу [Lohmann 1989, S. 191] или, подобно лукиановскому Перегрину, превратил христианство в источник дохода [Hartog 2013, p. 141, n. 433]. Другие теории связывают сребролюбие с уклонением в ересь. П. Харрисон, отстаивая позднее время создания «Послания» и его составной характер, увидел здесь указание на учение Маркиона (11.1) [Harrison 1936, pp. 166–169]. П. Майнхольд пошел еще дальше и предположил, что Валент принял деньги от этого ересиарха¹⁰. Особняком стоит старое предположение Д. Дональдсона о том, что Валент был виновен в прелюбодеянии, а его жена лжесвидетельствовала перед общиной, чтобы сохранить репутацию

⁷ Ср.: 2 Фес. 3:15.

⁸ Некоторые ученые попытались реконструировать биографию Валента. Так, П. Нотен допустил, что он был не пресвитером, а епископом филиппийской общины (Nautin P. Polycarp // *Encyclopedia of Ancient Christianity* / ed. by A. Di Berardino. Vol. 3. Downers Grove: InterVarsity Press, 2008. P. 248), а К. Тревет предположила, что изначально Валент был послан в Филиппы из Смирны, а его жена, тоже родом из Смирны, поддавалась в Филиппах искушению и стала причиной смущения для общины. Она сравнивает их с Ананией и Сапфирой из «Деяний апостолов» [Trevett 2006, pp. 231–232]. Обе эти догадки лишены какой бы то ни было опоры на источники.

⁹ Ф. Пилхофер проводит параллели с подобными растратчиками в античных сообществах, известными нам по надписям [Pilhofer 1995, S. 220–222].

¹⁰ Meinhold P. Polykarpos // *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd. 21. Hbbd. 42. Stuttgart: A. Druckenmüller Verlag, 1952. Spt. 1686–1687.

мужа¹¹. Это не находит никаких оснований в тексте, да и вообще непонятно, как эту ситуацию можно связать с темой сребролюбия, проходящей через все «Послание».

С начала 1990-х гг. появилось несколько работ, где эта тема рассматривалась в более широком контексте или общей истории раннехристианского движения в начале II в., или попыток прочтения «Послания» не как набора разрозненных тезисов («грехи» – «ересь» – «церковный порядок»), а как текста, все части которого все-таки взаимосвязаны. Г. Майер обратился к анализу греха Валента в социальной перспективе [Maier 1993, pp. 229–247]. Он рассмотрел существовавшие в то время представления о сребролюбии в Новом Завете и «Пастыре» Гермы, в языческой традиции – от Платона до Музония Руфа и Плутарха, в ветхозаветных сочинениях, в иудейской апокалиптической литературе и у Филона. Во всех этих текстах сребролюбие описывается как причина многих социальных и индивидуальных проблем. Иудейские писатели особо подчеркивают, что алчные люди склонны к идолопоклонству, и в «Пастыре» звучат обвинения богатых в слишком тесных связях с язычниками и в отступничестве во время гонений. Именно в этом и состоит грех Валента: он, будучи не только зажиточным человеком, но и пресвитером, не исполнял свои обязанности перед общиной, продолжая наслаждаться привычной для богатого язычника жизнью; с точки зрения Поликарпа, Валент чрезмерно далеко отошел от Христа к этому миру. Поликарп, негативно оценивая его поведение, стремится к восстановлению и поддержанию чистоты верующих и установлению четких границ между христианами и окружающими.

П. Оукс, основываясь на сравнении двух посланий к филиппийцам – Павла и Поликарпа, предложил новый взгляд на эту проблему [Oakes 2005]. Выделив два основных центра – лидерство и страдание – Оукс заявляет, что целью Поликарпа было убедить македонских христиан в том, что их община самодостаточна, и им нет нужды искать какой-то внешний авторитет, включая его самого. Что касается страданий, о которых сказано: «Вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него» (Флп 1:29), то во времена Павла проблемы были связаны не с мученичеством, а с экономикой: христиане были вынуждены выстраивать новую модель финансовых и торговых отношений с язычниками и иудеями и создавать собственную систему благотворительности, и не всегда это получалось легко. Во времена Поликарпа ситуация

¹¹ Donaldson J. A critical history of Christian literature and doctrine from the death of the Apostles to the Nicene Council. Vol. 1. L.: MacMillan and Co, 1864. P. 186.

изменилась, в империи уже начались гонения. Когда через Филиппы проехал Игнатий и его спутники, местные христиане, желавшие пообщаться с антиохийским епископом, привлекли к себе внимание сограждан и магистратов, осознавших, что рядом с ними живут те, кто не признает официальную римскую идеологию и императорский культ. Филиппы были небольшим городом, скрыть что-то здесь было намного сложнее, чем в Антиохии или Коринфе. Как полагает Оукс, едва ли там началось какое-то масштабное преследование христиан, скорее, они стали жертвами психологической агрессии, от них отвернулись их соседи-язычники, а экономические связи, существовавшие многие годы, оказались разорваны. В такой ситуации Валент нашел какой-то способ достичь компромисса между христианством и желанием сохранить свое экономическое положение, что вызвало осуждение других верующих, а после Поликарпа, который заклеил его *φίλαργυρία*.

Наконец, О. Линденборг попытался показать, что ключом к пониманию «Послания» является неразделение тем греха и ереси. Им противостоит добродетель, которой и учит Поликарп [Linderborg 2023]. Грех и ересь выступают как единое разрушительное социальное зло, корень которого – сребролюбие. Линденборг отмечает, что хотя мы так и не узнаем, в чем состояло прегрешение Валента, ставшее поводом для «Послания», его поведение было чем-то из ряда вон выходящим, так что Поликарп указывает, что он будет осужден вместе с идолопоклонниками, не знающими истины. Это указывает на то, что грех и ересь – силы, разрушающие социальный мир и единство общины, где еще нет четко оформленных представлений о конфессиональной и этической норме, в этом смысле они приравняются друг к другу, и для их преодоления необходима праведность, завещанная Христом. Позже, с постепенным становлением ортодоксии, понятия греха и ереси стали различаться.

Нам хотелось бы на основании всех этих работ и собственных наблюдений о социально-экономической жизни христиан в первые века предложить еще один взгляд на «Послание», обстоятельства его создания и грех Валента. Начнем с краткого обзора, который даст нам понимание исторического контекста. Как уже было сказано, Филиппы – небольшой македонский город, основанный Филиппом II около 356 г. до н. э. Изначально он был заселен преимущественно македонянами, греками и фракийцами, позже, в эллинистическое и римское время, здесь появляются выходцы из Египта, Малой Азии, Палестины и других регионов [Pilhofer 1995; Verhoef 2013; Левинская 2008, с. 273]. Скорее всего, позже именно они стали ядром христианской общины. Большое значение для экономической жизни имело строительство в конце II – начале I в.

до н. э. *via Egnatia*, дороги, проложенной через Балканский полуостров от Диррахия и Аполлонии на Адриатическом море до Фессалоник на Эгейском. Неподалеку от города находились золотые и серебряные рудники, но к рубежу эр они были в значительной степени выработаны. Часть греков жила торговлей, но в основном горожане занимались сельским хозяйством [Oakes 2005, p. 355; Verhoef 2013, pp. 4–13]. 23 октября 42 г. до н. э. у Филипп произошло сражение между войсками цезарианцев Марка Антония, Октавиана и Лепида и республиканцев Брута и Кассия, после чего город стал римской колонией, где поселилось много ветеранов, получивших землю в награду за свою службу. Они должны были, с одной стороны, защищать область от нападений живущих неподалеку варваров-фракийцев¹², а с другой – обеспечивать лояльность местного населения. Город был романизирован, Октавиан даровал ему *ius Italicum* (филиппийцы были приписаны к сельской трибе Вольтиния), во главе его стояли дуумвиры, которых сопровождали ликторы, упоминающиеся в Деяниях апостолов (16:35), там располагалась когорта преторианцев, в городе обнаружена масса римских надписей¹³. Римляне принесли своих богов, на рубеже эр здесь появляется культ императора, которым занимались шесть августалов и фламины, часто упоминающиеся в эпиграфических памятниках. Таким образом, в Филиппах столкнулись два потока переселенцев: с одной стороны, греки и выходцы с Востока, перебравшиеся сюда еще в эллинистическое время, с другой – римляне, пришедшие в конце I в. до н. э. и занявшие привилегированное положение. Между ними могли возникать разного рода трения, но открытых выступлений против римской власти не происходило.

Христианство в Филиппы принес Павел в 49 или 50 г. Основанная им община была небольшой, вряд ли больше 30–40 человек, и к началу II в. их число заметно не увеличилось. Среди христиан могли быть не только греки, иудеи и выходцы с востока, но и римляне – во всяком случае, Павел упоминает некоего Климента (Флп 4:3). Долгое время христиане в силу своей малочисленности не привлекали особого внимания властей, но прибытие в город Игнатия, состоявшееся в начале сентября 115 г., изменило ситуацию [Hartog 2002, p. 155]. А. Брент размышляет об особой драматургии путешествия Игнатия, «рассматривавшего сопровождающих его как славную имперскую процессию, посредством

¹² Тацит сообщает, что в первой половине I в. н. э. Фракия еще не смирилась с римским господством и была беспокойной областью (*Tac. Ann. III.38*).

¹³ Некоторые из них написаны на латинском языке, но греческими буквами [Pilhofer 2009, S. 54–61].

которой епископ с востока противостоит империи на западе» [Брент 2012, с. 59]. Филиппы были меньше греческих малоазийских полисов, через которые римские воины везли антиохийского епископа и его спутников, кроме того, степень романизации была здесь гораздо выше, чем, скажем, в Смирне. Язычники не могли не заметить, как христиане встречают мученика, внимают его речам и оказывают ему всяческую поддержку. Можно вспомнить то, как верующие заботились о схваченном Перегрине-Протее у Лукиана: давали взятки охранявшим его воинам, снабжали всем необходимым и даже более того, не покидали его даже ночью, хлопотали об освобождении (*Luc. Peregr. 12–13*)¹⁴. Филиппийцы, возможно, впервые всерьез задумались о том, что те, кого они считали своими соседями и согражданами, на самом деле не разделяют их ценности – римские представления о добродетелях и уважении к государству, традиционное благочестие, императорский культ. Это не привело к преследованию, судам и казням, но заставило многих горожан пересмотреть свое отношение к тем, кого еще недавно они полагали во всем подобными себе. Скорее всего, это выразалось в демонстративном осуждении и оскорблениях – Оукс использует термин *harassment* [Oakes 2005, p. 155], – отказе от ранее заключенных сделок и договоренностей, разрыве существовавших дружеских и деловых отношений. Христиане внезапно для себя оказались в социальной и экономической изоляции, причем острее всего это ощутили те, кому было что терять – люди обеспеченные, принятые в обществе и имевшие хорошие связи с местной элитой или даже бывшие ее частью¹⁵.

Носивший римское имя Валент, возможно, был потомком римских ветеранов. Мы, вслед за Майером, считаем, что он относился к числу тех состоятельных людей, что со времен Павла составляли костяк многих местных общин и становились епископами и пресвитерами [Maier 1993, p. 233]. Они были готовы помогать бедным, принимать чужеземцев, обеспечивать место для собраний

¹⁴ Брент пишет, что Лукиан был знаком с традицией об Игнатии и использовал ее при описании Перегринна [Брент 2012, с. 55, 59, 78]. Мы, напротив, считаем, что сатирик ориентировался на более близкий ему по времени рассказ о смерти Поликарпа Смирнского [Пантелеев 2017; Пантелеев 2021, с. 112–113].

¹⁵ Если принять позднюю датировку «Послания», то поводом для этой враждебности к христианам могли стать иные события. Они могли быть связаны с каким-нибудь другим мучеником, ведь по *via Egnatia* этапировали не только Игнатия; впрочем, такое отношение к христианам могло возникнуть не моментально, а формироваться постепенно, и давление со временем усиливалось.

и вообще обладали достаточным опытом для организации повседневной жизни и встреч верующих. В то же самое время они сохраняли тесные связи с язычниками из-за своего имущества, деловых предприятий или карьеры. Пока их христианство не бросалось в глаза, ничто не мешало сосуществованию двух этих ипостасей, но как только начинались какие-то проблемы, многие из этих людей выбирали не веру, а блага сего мира и привычный образ жизни. О чем-то подобном через несколько лет после «Послания» напишет Ерма в «Пастыре»: в III Видении о строительстве башни фигурируют белые круглые камни, которые откатывают в сторону, – это образ богачей, которые «ради богатств своих и попечений отрекутся от Господа» при начале любых гонений (Vis. 3.6). Некоторые из таких вовсе «живя с язычниками и набравшись надменного тщеславия у них, совершенно отошли от Бога, предавшись делам язычников: такие люди причислились к язычникам» (Sim. 8.9). Эти богатые христиане «не имеют общения с рабами Божиими, но удаляются от них, увлекаемые делами своими. А богатые с трудом вступают в общение с рабами Божиими, опасаясь, чтобы у них не попросили чего-либо» (Sim. 9.20). В «Пастыре» мы встречаем такое же уподобление богачей язычникам, что и у Поликарпа (11.2), но есть и важное отличие: если Ерма полагает, что богатым поможет только лишение их имущества, то Поликарп более сдержан, говоря о необходимости лишь побороть сребролюбие¹⁶.

Грех Валента и его жены, как нам кажется, состоял в том, что, оказавшись перед необходимостью сделать выбор между христианством и сохранением безбедного существования, они выбрали последнее. То, что у Поликарпа соседствуют сребролюбие и идолопоклонство, не свидетельствует, на наш взгляд, о том, что сограждане требовали от христиан какого-то формального отступничества в духе Плиния Младшего (*Plin. Epist. X.96.5*) – вряд ли тогда Валент оказался бы единственным отступником. Скорее, он сам, почувствовав, что сгущаются тучи, пожелал продемонстрировать приверженность традиционным культам и лояльность Риму и общине. Хороший повод для этого мог дать отмечавшийся 18 сентября день рождения Траяна, впрочем, настаивать на этом не будем. Для демонстрации своей лояльности Валент мог устроить или оплатить какие-то дорогостоящие зрелища или жертвоприношения, отказавшись от обычной поддержки христиан, чем одновременно и сокращал собственные расходы, и дистанцировался от ставших

¹⁶ Мы полагаем, что это было вызвано тем, что сам Поликарп был вполне состоятельным человеком и даже, возможно, имел родственников среди членов смирской элиты [Maier 1991, pp. 155–156; Пантелеев 2021, с. 102–112].

неудобными единоверцев. Хартог указал на то, что в 11.1 используется прилагательное *castus*, в узком значении обозначающее непорочность и целомудренность, но здесь оно явно используется для перевода греческого ἁγνός (Phil. 4.2; 5.3), применявшегося для описания этической или культовой чистоты, и *avaritia*, таким образом, оказывается каким-то видом религиозной нечистоты [Hartog 2013, p. 142]. Насколько полным и окончательным было отступничество Валента и его жены, мы судить не можем, но отметим, что Поликарп подталкивает филиппийцев к их прощению (Phil. 11.4–12.1), что дает основания предполагать скорее разовый эксцесс, чем тотальный отход от учения. В то время, очевидно, такое поведение, конечно, не поощрялось, но и не вело к безусловному изгнанию из общины, что видно из того же «Пастыря» Ермы: «Скажи Максиму: “Вот приходит гонение (θλίψις); если тебе так кажется, снова отрекись (πάλιν ἄρνησαι)”» (Vis. 2.3.4)¹⁷. Судя по тому, что Ерма говорит об отступниках в других частях своего сочинения (Sim. 8.6.4–6; 9.19.1–3), для непростительной апостасии требовалось возвести хулу на Господа или стать «предателем христиан», то есть донести на своих или выдать их римским властям (προδοῦναι τῶν δούλων τοῦ θεοῦ; Sim. 9.19.1). Так как Поликарп призывает простить Валента и его жену, а Максим остался в римской общине, настолько далеко они не зашли.

Поликарп внимательно следил за сложившейся в Филиппах ситуацией. Прежде всего он вообще стремился к установлению церковного мира, вспомним его поездку в Рим к Аникету для решения вопроса о времени празднования Пасхи (*Eus.* HE IV.14; V.24), и для него было важно успокоить волнения в филиппийской общине, создание которой восходило к Павлу. Но эта история взволновала его и по другим причинам. Как мы показали в другом месте, сам Поликарп был вполне обеспеченным человеком, при этом сохранял верность Христу и не шел на такого рода компромиссы с языческим миром [Пантелеев 2021, с. 110–112]. Он не призывал отказаться от богатства, необходимого для помощи болеющим, вдовам и нищим, но любовь к нему – грех, и здесь его слова вполне созвучны языческим моралистам [Maier 1993, pp. 239–240]. Необходимо уметь преодолевать тяготы этой жизни ради Христа и терпеть, как это делали мученики Игнатий, Зосим и Руф¹⁸, а до них

¹⁷ Об этом Максиме ничего не известно; возможно, он был заметной фигурой в римской общине, но пользовался дурной славой [Lookadoo 2021, p. 105].

¹⁸ Мы ничего не знаем о Зосиме и Руфе. Возможно, это были спутники Игнатия, имена которых Поликарп узнал от филиппийцев [Hartog 2013, p. 135], возможно, мученики, казненные в последующий период [Pilhofer 1995, S. 212–214].

Павел (Phil. 8–9). Для Поликарпа важно, чтобы поведение христиан было «безупречно среди язычников» (Phil. 10; ср. 1 Петр. 2:12), почти все его ссылки и аллюзии на Павла имеют этический, а не теологический характер [Berding 2002, p. 139], а отказ от своих идеалов ради мирских благ точно не вызовет одобрение и среди греков и римлян, и среди иудеев.

Предложенная нами интерпретация греха Валента, конечно, лишь одна из возможных, и вряд ли мы когда-нибудь узнаем, что произошло в Филиппах на самом деле. Однако этот подход заставляет по-новому взглянуть на события начала II в., на удельный вес социальных связей христиан внутри и вне общины и на то, как изменение отношения к ним заставляло верующих четко определиться, кто они. Одни выбрали привычную жизнь и вернулись к старым богам, вторые отказались от этого мира в пользу Царства Небесного, но были и те, кто пытался совместить одно с другим, наследники тех, с кем Поликарп ожесточенно боролся и кого называл «антихристами» и «первенцами сатаны» (Pol. Phil. 7). Некоторые гностики – валентиниане Гераклеон и Птолемей, сын и ученик гностика Карпократы Епифан, авторы сочинений «Трехчастный трактат», «Ипостась архонтов» или «О происхождении мира» из собрания Наг-Хаммади – считали богатство даром демиурга, творца материального мира. Демиург заботился о душах, имевших в себе духовное зерно, он или помещал их в тех, кто родился в знатных и богатых семьях, или возвышал и обогащал этих пневматиков. Богатство, таким образом, превращалось в знак избранности и элитарности, а проблема отступничества для гностиков, веривших в то, что спасаются только пневматики, не стояла: избранные спасались исключительно в силу своей природы и могли безо всякого ущерба для себя участвовать в языческих ритуалах [Пантелеев 2023].

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01146, выполняемого в ИВИ РАН (Москва), <https://rscf.ru/project/24-28-01146/>

Acknowledgements

The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 24-28-01146, on the base of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow), <https://rscf.ru/project/24-28-01146/>

Литература

- Брент 2012 – *Брент А.* Игнатий Антиохийский: Епископ-мученик и происхождение епископата. М.: Изд-во ББИ, 2012. 188 с.
- Левинская 2008 – *Левинская И.А.* Деяния апостолов. Главы 9–28: Историко-филологический комментарий. СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2008. 664 с.
- Пантелеев 2017 – *Пантелеев А.Д.* «Мученичество Поликарпа» и «О смерти Перегрин» Лукиана: еще раз о старом споре // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2017. Т. 21. С. 642–652.
- Пантелеев 2021 – *Пантелеев А.Д.* Римский наместник, местная элита и христиане: «Мученичество Поликарпа» // Мнемон. 2021. Вып. 21. С. 99–116.
- Пантелеев 2023 – *Пантелеев А.Д.* Богатство, бедность и гностики. Ч. 1 // Диалог со временем. 2023. № 83. С. 30–43.
- Berding 2002 – *Berding K.* Polycarp and Paul: An analysis of their literary and theological relationship in light of Polycarp's use of Biblical and extra-Biblical literature. Leiden: Brill, 2002. 230 p.
- Garrison 1997 – *Garrison R.* The Graeco-Roman context of early Christian literature. Sheffield: Sheffield Academic Press Ltd., 1997. 123 p.
- Harrison 1936 – *Harrison P.N.* Polycarp's two Epistles to the Philippians. Cambridge: Cambridge University Press, 1936. 356 p.
- Hartog 2002 – *Hartog P.* Polycarp and the New Testament: The occasion, rhetoric, theme, and unity of the Epistle to the Philippians and its allusions to New Testament literature. Tübingen: Mohr Siebeck, 2002. 281 p.
- Hartog 2013 – Polycarp's Epistle to the Philippians and the martyrdom of Polycarp. Introduction, text, and commentary / Ed. by P. Hartog. Oxford: Oxford University Press, 2013. 416 p.
- Holmes 1997 – *Holmes M.* A note on the text of Polycarp Philippians 11.3 // *Vigiliae Christianae*. 1997. Vol. 51. P. 207–210.
- Holmes 2007 – *Holmes M.* Polycarp of Smyrna, Epistle to the Philippians // The writings of the Apostolic Fathers / Ed. by P. Foster. L.: T&T Clark, 2007. P. 108–125.
- Holmes 2011 – *Holmes M.* Paul and Polycarp // Paul and the second century / Ed. by M.F. Bird, J.R. Dodson. L.: T&T Clark, 2011. P. 57–69.
- Linderborg 2023 – *Linderborg O.* Sin, heresy and righteousness in Polycarp's letter to the Philippians // *Zeitschrift für Antikes Christentum / Journal of Ancient Christianity*. 2023. Bd. 27. P. 211–225.
- Lohmann 1989 – *Lohmann H.* Drohung und Verheißung: Exegetische Untersuchungen zur Eschatologie bei den Apostolischen Vätern. Berlin: De Gruyter, 1989. 266 S.
- Lookadoo 2021 – *Lookadoo J.* The Shepherd of Hermas. A literary, historical, and theological handbook. L.: T&T Clark, 2021. 295 p.
- Maier 1991 – *Maier H.O.* The social setting of the ministry as reflected in the writings of Hermas, Clement and Ignatius. Waterloo: Wilfrid Laurier University Press, 1991. 230 p.

- Maier 1993 – *Maier H.O.* Purity and danger in Polycarp's Epistle to the Philippians: The sin of Valens in social perspective // *Journal of Early Christian Studies*. Vol. 1. 1993. P. 229–247.
- Oakes 2005 – *Oakes P.* Leadership and suffering in the letters of Polycarp and Paul to the Philippians // *Trajectories through the New Testament and the Apostolic Fathers* / Ed. by A. Gregory, C. Tuckett. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 353–373.
- Pilhofer 1995 – *Pilhofer P.* Philippi. Bd. 1: Die erste christliche Gemeinde Europas. Tübingen: Mohr Siebeck, 1995. 316 S.
- Pilhofer 2009 – *Pilhofer P.* Philippi. Bd. 2: Katalog der Inschriften von Philippi. Tübingen, 2009. 1196 S.
- Trevett 2006 – *Trevett C.* Christian women at the time of the Apostolic Fathers (AD c. 80–160): Corinth, Rome and Asia Minor. Cardiff: University of Wales Press, 2006. 322 p.
- Verhoef 2013 – *Verhoef E.* Philippi: How Christianity began in Europe: The Epistle to the Philippians and the excavations at Philippi. L.: Bloomsbury, 2013. 128 p.

References

- Brent, A. (2012), *Ignatii Antiokhiiskii: Episkop-muchenik i proiskhozhdenie episkopata* [Ignatius of Antioch. A martyr bishop and the origin of episcopacy], BBI Publishing, Moscow, Russia.
- Berding, K. (2002), *Polycarp and Paul: An analysis of their literary and theological relationship in light of Polycarp's use of Biblical and extra-Biblical literature*, Brill, Leiden, Netherlands.
- Garrison, R. (1997), *The Graeco-Roman context of early Christian literature*, Sheffield Academic Press Ltd., Sheffield, UK.
- Harrison, P.N. (1936), *Polycarp's two Epistles to the Philippians*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Hartog, P. (2002), *Polycarp and the New Testament: The occasion, rhetoric, theme, and unity of the Epistle to the Philippians and its allusions to New Testament literature*, Mohr Siebeck, Tübingen, Germany.
- Hartog, P., ed. (2013), *Polycarp's Epistle to the Philippians and the martyrdom of Polycarp. Introduction, text, and commentary*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Holmes, M. (1997), "A note on the text of Polycarp Philippians 11.3", *Vigiliae Christianae*, vol. 51, pp. 207–210.
- Holmes, M. (2007), "Polycarp of Smyrna, Epistle to the Philippians", in Foster, P., ed., *The writings of the Apostolic Fathers*, T&T Clark, London, UK, pp. 108–125.
- Holmes, M. (2011), "Paul and Polycarp", in Bird, M.F. and Dodson, J.R., eds., *Paul and the second century*, T&T Clark, London, UK, pp. 57–69.
- Levinskaya, I.A. (2008), *Deyaniya Apostolov. Glavy 9–28: Istoriko-filologicheskii kommentarii* [The acts of the Apostles. Chapters 9–28: A historical and philological commentary], Faculty of Philology and Arts of the Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.
- Linderborg, O. (2023), "Sin, heresy and righteousness in Polycarp's letter to the Philippians", *Zeitschrift für Antikes Christentum / Journal of Ancient Christianity*, vol. 27, pp. 211–225.

- Lohmann, H. (1989), *Drohung und Verheißung: Exegetische Untersuchungen zur Eschatologie bei den Apostolischen Vätern*, De Gruyter, Berlin, Germany.
- Lookadoo, J. (2021), *The Shepherd of Hermas. A literary, historical, and theological handbook*, T&T Clark, London, UK.
- Maier, H.O. (1991), *The social setting of the ministry as reflected in the writings of Hermas, Clement and Ignatius*, Wilfrid Laurier University Press, Waterloo, Canada.
- Maier, H.O. (1993), "Purity and danger in Polycarp's Epistle to the Philippians: The sin of Valens in social perspective", *Journal of Early Christian Studies*, vol. 1, pp. 229–247.
- Oakes, P. (2005), "Leadership and suffering in the letters of Polycarp and Paul to the Philippians", in Gregory, A. and Tuckett, C., eds., *Trajectories through the New Testament and the Apostolic Fathers*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 353–373.
- Pantelev, A.D. (2017), " 'Martyrium Polycarpi' and 'De morte Peregrini': once again on old discussion", in *Indoeuropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and classical philology yearbook], vol. 21, pp. 642–652.
- Pantelev, A.D. (2021), "Roman governor, provincial elite, and Christians: the case of 'Martyrium Polycarpi'", *Mnemon*, vol. 21, pp. 99–116.
- Pantelev, A.D. (2023), "Wealth, poverty and gnostics, part 1", *Dialog so vremenem*, vol. 83, pp. 30–43.
- Pilhofer, P. (1995), *Philippi. Bd. 1. Die erste christliche Gemeinde Europas*, Mohr Siebeck, Tübingen, Germany.
- Pilhofer, P. (2009), *Philippi. Bd. 2. Katalog der Inschriften von Philippi*, Mohr Siebeck, Tübingen, Germany.
- Trevett, C. (2006), *Christian women at the time of the Apostolic Fathers (AD c. 80–160): Corinth, Rome and Asia Minor*, University of Wales Press, Cardiff, UK.
- Verhoef, E. (2013), *Philippi: How Christianity began in Europe: The Epistle to the Philippians and the excavations at Philippi*, Bloomsbury, London, UK.

Информация об авторе

Алексей Д. Пантелеев, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9;

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119034, Россия, Москва, Ленинский пр., д. 32а; a.pantelev@spbu.ru

Information about the author

Aleksei D. Pantelev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; 7/9, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, Russia, 199034;

Institute of World History, Russian Academy of Science, Moscow, Russia; 32a, Leninskiy Av., Moscow, Russia, 119334; a.pantelev@spbu.ru